

НИКОЛАЙ МАСЛЕННИКОВ

ЕГО НЕ СЛОМИЛ ОСВЕНЦИМ

Николай Иванович Масленников — автор книги «Смерть победившие», выпущенной в 1968 году Ставропольским книжным издательством. Он — бывший узник концлагеря Освенцим,

Сегодня мы публикуем отрывок из новой документальной повести Н. Масленникова.

На Минском хлебозаводе «Автомат» появился новый технолог хлебопечения — молодой человек в добротном костюме и галстук, с кудрявой черной шевелюрой. Он свободно говорил по-немецки, поэтому не нуждался в переводчике при деловых разговорах с представителем гамбургской фирмы хлебопечения Винтером и его заместителем Груббе. Рабочие видели его чаще с новоявленными хозяевами, чем в цехах завода. А если заходил в цех, то сухо давал распоряжения и уходил в контору. Винтеру и Груббе он нравился за деловитость и явную несклонность к личным общениям с рабочими. Звали технолога Антоном Ивановичем Ивашкевичем.

Для гитлеровцев жизнь в оккупированном Минске была беспокойной,

порой даже ничем не отличавшейся от фронтовой. Хотя город находился далеко от переднего края, но его называли фронтовым. Часто бесследно исчезали солдаты и офицеры, служащие учреждений оккупационных властей, был даже убит гаулейтер Белоруссии граф Кубэ. На железной дороге и городских предприятиях взрывались мины. По ночам советская авиация бомбила расположение частей фашистского гарнизона и другие важные военные объекты. Рвались мины в кафе и кинотеатрах, на входных дверях которых висели таблички «только для немцев». Гестапо понимало, что в городе действовало разветвленное и хорошо законспирированное советское подполье. Забегая вперед, скажем, что действительно в Минске со дня его оккупации и до самого освобождения

действовали многочисленные группы подполья. Фашисты применяли к жителям массовые репрессии, во многих местах установили виселицы, до отказа набили арестованными тюрьмы, но народной ненависти им было не унять. На хлебозаводе «Автомат», поставившем хлеб на фронт и оккупационным учреждениям в Минске, взрывом мины были разрушены хлебопекарные печи и тестомесилки, завод прекратил выдачу хлеба. В цехе появилась группа офицеров гестапо и с ними технорук Ивашкевич. Они о чем-то поговорили между собой и, бросив брезгливый взгляд на группу рабочих из военнопленных, ушли. Глядя на уходящих, военнопленный Иван Крихта со злобой процедил сквозь зубы:

— До этих еще очередь дойдет, а вот таких холуев, как тот лохмач в модном костюме при галстук, надо бы скорее березовым крестом наградить.

Так и порешили ликвидировать прислужника немцев — А. И. Ивашкевича, технорука хлебозавода. Группа патриотически настроенных рабочих из военнопленных вынесла свой приговор. Привести его в исполнение поручили Алексею Ищенко (ставропольцу) и Ивану Шехватову (сталинградцу), которые как грузчики хлебозавода имели пропуска по городу. Но как это сделать? Тем более, что технорук почти всегда ходил не в одиночку. Лучше всего подложить мину, в

кабинет технорука, но где ее взять?

Вскоре Ищенко и Шехватов познакомились с работницей Еленой Янушкевич, нашли с ней общий язык, и Елена обещала связать ребят с партизанами. В назначенное время они тайно явились на квартиру Янушкевич, встретились со связной партизан, изложили ей свое горячее стремление помогать партизанам, а для начала предложили ликвидировать Ивашкевича. Связная, сдержанная в разговоре, услышав об этом, категорически запретила не только физическую расправу над Ивашкевичем, но и чем-либо препятствовать ему в работе.

— Ясно? — обратилась она к пришедшим.

— Не ясно.

— Сейчас все узнаете и убедитесь, — спокойно ответила связная.

В комнату вошел тот, кого они намеревались ликвидировать,

— Знакомьтесь, — сказала связная. — Теперь будете работать вместе, но задания получите отдельно. На заводе вы Ивашкевича не знаете, а он не знает вас.

Как выяснилось спустя много лет, за Ивашкевичем охотилась и другая группа минских подпольщиков — молодежный отряд «Андрюша», который также считал технолога завода немецким прихвостнем. Одна из подпольщиц, Надежда Кедышко, вспоминает: «Наши подпольщики выслеживали Ивашкевича, устраивали на него засады, но своего намерения не выполнили. Или Ивашкевич оказывался не один, или он миновал засады потому, что часто менял свои маршруты по городу. А в районе развалин Комаровки и Военного кладбища, где почти всегда были свои люди, он не появлялся. Каково же было наше изумление и радость, когда однажды в штаб группы пришел Борис Шнитко, один из «охотников» за Ивашкевичем, и сообщил, что Антон Иванович — свой человек».

А выяснилось это и для самого Шнитко совсем неожиданно и случайно. Дело в том, что Антонина Шнитко, мать Бориса и жена прокурора Минской области не успела эвакуироваться с детьми и осталась в Минске. С первых дней оккупации она стала активной участницей

минского подполья, ее квартира по улице Слесарной служила явкой для встречи подпольщиков с партизанами и их связными.

Как-то придя к себе домой, Борис Шнитко увидел в квартире знакомого ему партизана Николая Знака, дружески беседующего с... Антоном Ивашкевичем. Борис вызвал на объяснение мать и от нее узнал, кто такой на самом деле технорук хлебозавода Антон Ивашкевич. Борис срочно сообщил новость руководству подпольного отряда «Андрюша», и охота на Ивашкевича прекратилась.

Коль зашла речь, несколько слов о судьбе семьи Шнитко. Вся семья была выдана предателями фашистам. Сначала мать, сын и младшая дочь попали в минскую тюрьму, затем были переведены в концлагерь Майданек. Борис погиб в печи крематория, а Антонина Шнитко с дочерью освобождены из лагеря победоносной Советской армией.

Итак, Антон Ивашкевич стал технорукком хлебозавода «Автомат». Поступить на работу, легализоваться и надеть внешне личину пособника немцев — являлось заданием подпольного руководства, которое осуществлял начальник особого отдела партизанской бригады «Смерть фашизму» Егоров через связную Нину Романову. Эту задачу Ивашкевич выполнил успешно, что подтверждается его длительной работой в подпольной группе на заводе, выполнением ряда ответственных заданий, а также тем, что окружающие его советские люди видели в нем не своего человека, а врага. Антон Ивашкевич, что называется, ходил на острие бритвы. В этом была сложность, двусторонняя смертельная опасность, но вместе с тем — в этом была и сильная сторона подпольщика, его успешное вживание в среду, которую он должен познать и паразитировать наиболее сильно.

Помимо коллективных поручений подпольного центра, в выполнении которых участвовала вся патриотическая группа завода, Антон выполнял наиболее ответственные задания самостоятельно или вдвоем с самыми смелыми и мужественными членами подпольной группы — Данилой Рачицким, Михаилом

Зубко, Михаилом Павловым, Николаем Знаком, Михаилом Когутом, Алексеем Леончиком (Шелестовым) и, конечно, не без участия хозяйки явочной квартиры Елены Янушкевич.

Отважная связная между партизанской бригадой «Смерть фашизму» и подпольной группой хлебозавода «Автомат» Нина Романова много раз ходила на связь и всегда успешно благодаря пропускам, добытым Ивашкевичем,

С пропусков, собственно, и началось первое задание.

На явочной квартире Елены Янушкевич появилась ее сестра Нина Романова, связная партизанского отряда имени Ворошилова (затем бригады «Смерть фашизму»). Состоялся разговор с Ивашкевичем.

— С каждым днем все труднее и труднее пробираться в Минск,— сказала Нина.— Нужны подлинные немецкие пропуска и карточки биржи труда. Достать чистые бланки командование отряда поручило тебе, Антон. Эти бланки должны быть на хлебозаводе «Автомат».

Ответ Антона по-солдатски краток:

— Бланки есть, и я их добуду.

В обратный путь из Минска в партизанский лес Нина уже шла с настоящими документами немецкой администрации и с запасом чистых бланков для всяких партизанских надобностей.

Второе задание носило агентурный, разведывательный характер. Начальнику особого отдела Егорову следовало по заданию центра сообщить о количестве немецко-фашистских войск, движущихся на фронт через Минск. Помимо других источников информации о количестве войск может дать представление военный питательный пункт Минска, снабжавший проезжавшие эшелоны.

Когда связная задала Антону вопрос, можно ли по хлебным накладным определить количество войск, проезжавших через Минск, он ответил, что такие сведения можно добыть, тем более это не составит большой опасности для Леончика, которого смогли устроить на работу в бухгалтерию. Сведения хотя будут

приблизительными, но в сочетании с данными, какие могут добыть подпольщики из группы железнодорожников Сергея Шостакова и Людмилы Ример, они смогут удовлетворить командование. Норма отпуска хлеба для военнослужащих немецко-фашистской армии известна.

Вскоре все данные о передвижении войск через Минский железнодорожный узел, получил особый отдел партизанской бригады.

Смелая до дерзости мысль зародилась у подпольщика Николая Знака. Хлебозавод ежедневно отправлял машины с хлебом в разные концы Минска и за пределы города воинским частям оккупантов, А почему бы не воспользоваться немецкой системой хлебоснабжения для доставки хлеба партизанскому отряду? За дело взялся Николай Знак. Составили фиктивное требование на хлеб для энской немецкой части, выписали в бухгалтерии накладную и пропуск, погрузили и увезли хлеб. Затем через члена подпольной группы Алексея Леончика, работавшего в бухгалтерии, изъяли документы на этот хлеб. Партизаны отряда имени Ворошилова и других благодарили смелых и находчивых патриотов, успешно осуществивших операцию.

Минск, являвшийся центром коммуникаций немецко-фашистских войск и фашистской гражданской администрации в Белоруссии, находился постоянно под наблюдением командования советских войск. Было решено нанести по его военным объектам массированный налет на шей авиации, Но для этого требовалось иметь точные цели для наших летчиков — план города с нанесением на нем расположения частей оккупантов, воинских складов, комендатуры, гестапо и других важнейших объектов противника. Достать такой план поручили Ивашкевичу. Поручение весьма рискованное, и командование отряда пошло на риск, поручая задание самому законспирированному человеку.

Необходимый план города находился в кабинете Винтера. Правда, он нуждался в уточнении, но это для Антона

не составляло сложности, он мог внести все поправки, так как хорошо знал город и расположение в нем многих интересующих наше командование объектов. В кабинет Винтера он был вхож как вполне доверенное у фашистов лицо.

Чтобы обеспечить себе алиби в любых обстоятельствах, Антон почти всегда, а в дни каких-либо важных операций на хлебозаводе всегда уходил с завода вместе с Винтером или его помощником Груббе, которые жили на заводе, но выходили на прогулки. Поэтому если что случалось на хлебозаводе — его на заводе не было, он оставался вне подозрений. На этот раз Антону следовало быть на заводе, ночью, чтобы добыть план из кабинета Винтера, и в то же время он должен обеспечить себе алиби.

В назначенный для операции день Антон, как обычно, после работы уходит с завода вместе с Груббе. По пути желают друг другу доброй ночи и расходятся по домам.

Пройдя несколько кварталов, Антон возвращается на завод, проникает в кабинет Винтера и похищает план города. В него он затем вносит уточнения и во время очередной явки связной передает план командованию партизанской бригады.

Следующее задание — похищение печати — также выполнено успешно.

Много ценных сведений передала подпольная группа хлебозавода «Автомат» нашему командованию при непосредственном участии Антона Ивашкевича, серию диверсий провела на заводе, срывая снабжение фашистской армии хлебом. По плану, похищенному Антоном, наша авиация дважды успешно бомбила военные объекты оккупантов в районе Минска и нанесла им значительные потери в живой силе и технике.

В августе 1943 года Михаил Когут и Данило Рачицкий совершили крупную диверсию — взорвали отопительную систему завода, подложив мину с часовым механизмом в дымоходы. Начались аресты на заводе, среди арестованных — Данило Рачицкий, а Михаилу Когуту удалось скрыться. Из арестованных лишь один Рачицкий знал о подпольной группе и ее связях. Но по просочившимся из тюрьмы

сведениям на допросе он держался стойко, хотя его жестоко пытали. Через несколько дней стало известно, что Данило ничего не рассказал гестаповцам и погиб «при попытке к бегству». Вскоре арестовали Антона Ивашкевича.

Зная, что о его подпольной деятельности гестапо ничего не известно, Антон на допросе держался спокойно. Ему предъявили случайное обвинение: один из арестованных малограмотных рабочих при допросе с пристрастием сказал, что будто бы Ивашкевич распространял листовки. На это обвинение Антон ответил:

— Безграмотный человек не может знать, на каком языке написана та или иная книга. Я передавал им брошюры нашего вермахта на немецком языке, которые, кстати, я получал довольно часто от Шнейдера из Беруфефербанда. А почему на немецком языке — чтоб понять, кто и как на это будет реагировать. Надеюсь, господин офицер, это удовлетворит ваше любопытство?!

Ивашкевич по заданию командования партизанской бригады входил от хлебозавода в так называемый, Беруфефербанд — руководящий профсоюзный центр, созданный оккупантами в Минске для ведения фашистской пропаганды среди населения города. Руководителем этого центра Шнейдером действительно часто давалась Ивашкевичу литература, и Антон был уверен, что Шнейдер всегда подтвердит это, если гестаповцы спросят его.

Не имея каких-либо улик, кроме явно выбитого показания, зная что технолог Ивашкевич пользуется доверием немецкого руководства хлебозавода и Беруфефербанда, гестапо освободило его из тюрьмы. Но, как показали дальнейшие события, на его безупречную репутацию среди фашистов легла тень. Требовалось стать вдвойне бдительным и осторожным, мужественным и бесстрашным. Этими качествами обладал подпольщик Антон. К сожалению, среди людей, примкнувших к партизанам и подпольщикам, попадались лица, не обладавшие достаточным мужеством, или, по крайней мере, не рассчитавшие свои силы и возможности для ведения смертельной борьбы с

сильным, беспощадным и коварным врагом.

После первого ареста Антон снова встретился со связной Ниной. Она уже знала об его аресте.

— Как быть, Нина? Что об этом событии думает командование? Не пора ли мне перебазироваться в лес и взять в руки автомат?

— Пока нельзя, Антон. Явочная квартира Лены Янушкевич не раскрыта. Из вашей организации попал в лапы гестапо только Данило Рачицкий, он погиб как герой, ничего не сказав об организации. Тебе поручается очень важное задание.

Связная передала Антону план

Слева направо: бывшие узники Освенцима А. И. Ивашкевич, П. В. Коротких, Н. И. Масленников.

положение частей немецкого гарнизона, в городе.

Вскоре Антон передал Нине план дислокации немецких частей. Нина сообщила, что скоро его переведут в отряд.

Все, казалось, складывалось как нельзя лучше. В отряд уже переправили сестру Антона Брониславу. Но беда нагрянула, откуда ее не ждали. По пути из партизанского отряда в Минск были схвачены связная Роза Стефанович и радистка Юля Галитская, имевшие при себе ротатор и краску. Юля умерла в гестаповском застенке от пыток, ничего не

сказав палачам, а Роза, как оказалось, еще раньше была завербована фашистами и выдала тех, к которым иногда приходила на связь. Арестовали Елену Янушкевич, Антона Ивашкевича, Николая Короткого, Тамару Мойсейчик и некоторых других.

...Антон Ивашкевич очнулся в камере после жесточайших пыток. Над ним хлопотало двое парней — один в форме железнодорожника, другой — еще подросток, лет четырнадцати. С трудом узнал знакомых ребят из железнодорожной группы подпольщиков, братьев Сергея и Анатолия Шостак, отважных диверсантов, с которыми Антон был связан по работе через свою связную Людмилу Ример.

Потянулась длинная цепь дней и ночей, допросов и пыток. Стойко вынес эту страшную пору в своей жизни Антон, хотя и эти пытки не были пределом того, что еще довелось испытать ему в лапах фашистов. В мае 1944 года вместе с сотнями других заключенных Антон Ивашкевич очутился в вагонах с решетчатыми окнами. В дороге узнал — везут на каторгу в Освенцим.

В Освенцим-Биркенау прибыли в полдень, в запертых вагонах их продержали почти сутки, так как администрация лагеря не управлялась с разгрузкой большого потока вагонов с заключенными. Во время разгрузки узники эшелона прошли первую селекцию: слабых и больных сразу направляли в газовые камеры и крематорий для уничтожения, здоровых — в лагерные бараки. После следственной «обработки» Антон был очень слаб. Лишь огромным усилием воли заставил себя пройти мимо эсэсовского майора и принимавшего вместе с ним узников врача в белом халате, чтобы не пошатнуться, не упасть. Прошел, получил указание идти направо — в барак. Здесь, в Освенциме, у него отняли имя — он стал заключенным № 188286.

Карантин. Что это было за санитарное учреждение — можно понять, если проследить, как проходил карантин Ивашкевич. Прежде всего ему, как подопытному животному, сделали прививку тифа. Потом его переводили в разные заразные бараки, в ремир (лазарет) и, наконец, в блок для выздоравливающих.

Одним словом, на нем фашистские «медики» испытывали восприимчивость человеческого организма к различным заразным заболеваниям и стойкость его при почти полном отсутствии медицинской помощи.

В карантинном блоке, а затем на ревире ему довелось встречаться с нестигаемым советским патриотом Дмитрием Михайловичем Карбышевым, лежал с ним рядом, слушал его душевные беседы, которые вливали в сердца узников бодрость и надежду.

«Никогда не забуду,— рассказывает Антон Ивашкевич, — одного случая, когда Карбышев преподал нам наглядный урок, как надо вести себя в лагере, не склоняя головы перед тюремщиками, не скрывая своего презрения к фашистам. К нам в барак, где в это время находился и Дмитрий Михайлович, пришел комендант Бэр в сопровождении гостей из высших эсэсовских офицеров и лагерного врача Менгеле. Комендант Бэр и врач стали силой раскрывать узникам рты и рассматривать, как у лошадей, зубы — годится ли, мол, этот скот к работе. Карбышев стоял в проходе между нарами и презрительно смотрел на унижительную процедуру. Комендант и врач подошли к нему. Дмитрий Михайлович, сжав зубы и гордо подняв голову, не дал палачам открыть ему рот. Изверг Бэр набросился на него, стал бить по голове инструментом зубника, но Карбышев не шелохнулся, не склонил головы. Мы видели, как от ненависти горели его глаза. А ведь Карбышев только что вышел из лазарета, был еще болен и слаб. Какую воистину стальную волю имел этот замечательный человек! Мы восхищались им, и каждый узник стремился хотя бы в какой-то маленькой частице походить на него».

В конце января 1945 года, уже в лагере Заксенхаузене, снова Ивашкевич встретился с Дмитрием Михайловичем. Две команды заключенных шли одна навстречу другой. В рядах проходящей мимо колонны Ивашкевич заметил знакомое, ставшее родным лицо старшего товарища и наставника. Они обменялись приветствиями. Не знал Антон Иванович, что это была их последняя встреча. Через

несколько дней в Маутхаузене, откуда привезли Антона Ивашкевича, Д. М. Карбышев погибнет от рук гитлеровских палачей.

Но дни гитлеризма уже были сочтены. Под ударами Советской Армии рушилась военная машина Гитлера, а вместе с ней разваливалось и фашистское государство. Победоносные вооруженные силы Советского Союза вступили в Польшу и приближались к Освенциму. Гестаповцы спешно эвакуировали заключенных в глубь Германии, все еще на что-то надеясь. Огромные колонны узников Освенцима тянулись по заснеженным дорогам Германии на запад. В одной из колонн шел Антон Ивашкевич. Он еще молод, сохранились кое-какие силы, как мог помогал в пути ослабшим и больным товарищам. Но люди падали от потери сил, а тех, кто не мог дальше идти, пристреливали тут же на дороге.

Наступление Советской Армии было настолько стремительным, что фашисты не смогли далеко увести своих узников. Где-то под Шверингом, когда была уже слышна канонада советских пушек и над дорогами все чаще и чаще появлялись краснозвездные самолеты, воспользовавшись растерянностью эсэсовской охраны, группа узников, в которой находился Ивашкевич, бежала. Несколько дней беглецы скрывались в заброшенных бюргерами хозяйственных постройках, подошедшие советские воины принесли им полное освобождение.

...Встреча товарищей по оружию, первая после победы, состоялась в Минске, в ноябре 1945 года. Встретились боевые соратники по минскому подполью — Антон Ивашкевич, Николай Знак, Михаил Зубко, Елена Янушкевич, Михаил Когут, Алексей Леончик (Шелестов) и другие. Незабываемая радостная встреча, горячие объятия, поцелуи и, не будем скрывать, слезы. Ведь много пережито и выстрадано за годы разлуки. Радость встречи и горечь постигших утрат. Погибли чекист Егоров, связная Нина Романова, Михаил Павлов, многие замечательные товарищи, отдавшие жизнь за честь и свободу Родины.

В заключение осталось сказать еще несколько слов об Антоне Ивановиче

Ивашкевиче. Как и миллионы мирных советских людей, ставших во время войны воинами, а после победы вновь сменившие мечи на орала, коммунист Антон Ивашкевич снова вернулся к своей самой, пожалуй, мирной профессии на земном шаре — хлебопечению. Работает и живет он в Ставрополе, часто встречается с трудящимися.

